

Людмила РАКУЗО

КОГДА МЫ ЖИЛИ НА «43-М ПИКЕТЕ»

Эта небольшая автобиографическая повесть – история нашей семьи. Она о моих предках и моём детстве. Маленький кусочек истории рода Гордеевых-Гончаровых. Потомки должны знать, откуда идёт их род, где его корни.

Написано для сестры моей Ольги по её настоятельной просьбе.

ТОЧКА РАЗМЕТКИ ВСЕЙ ЖИЗНИ

Я с детства пыталась выяснить, что значит «пикет» и почему именно 43-й. Никто не мог мне этого объяснить. И вот теперь я попробовала сама найти более-менее разумное объяснение.

Пикет – точка разметки расстояний на железнодорожных линиях на местности с шагом в 100 метров. Когда-то в Юрге через весь город проходила железнодорожная ветка. Начиналась она на кирпичном заводе, шла по улице Московской, потом по переулку Литерному и заканчивалась на первом участке. Вот, видимо, где-то на этой линии и была точка разметки ПК-43. И в районе этого столбика началась застройка частного сектора, наречённого в народе «43-й пикет». Но это моё личное предположение. Был ещё «27-й пикет» вдоль железной дороги, где-то в районе Старой Юрги.

В городе вообще много мест со странными названиями: «40 домиков», Бурлачиха, первый участок, второй и пятый, но никогда не было третьего и четвёртого. Или были?..

В крутых берегах речки Бурлачихи жили немцы в землянках. Там же, только чуть выше, было у них кладбище. Теперь там немецкий мемориал и садовые участки. Берега уже не такие крутые, и речка уже не речка, а ручей. И только весной шумно бурлит, оправдывая своё название.

Первый участок – это теперь промзона, а когда-то были жилые улицы, клуб, баня и школа № 6. Центр города называли «2-й участок». Помню бараки, в которых жили люди и располагались разные учреждения. За баней, по Леонова, 3, сто-

ял барак, в котором была стоматология. Мне там впервые удалили зуб...

Железнодорожная линия, проходившая по улице Московской, просуществовала до 1964 года, а «43-й пикет» стоит и поныне. Для всех, кто здесь родился и жил, это точка разметки всей жизни. Наше детство, наши родители, наша малая родина. Потому-то и произнёс однажды мой одноклассник с гордостью: «Мы – сороктретьевские!»

СЕМЕЙНЫЕ ТАЙНЫ

Начала писать и вдруг поняла, что не знаю о своих предках почти ничего. И спросить уже не у кого. А ведь бабушка так много мне рассказывала! Я была уверена, что знаю если не всё, то очень многое. Потом осознала, что информации в её рассказах содержалось совсем мало, в основном это были эмоции о пережитом.

Наш дед Ракузо Винидикт Яковлевич родом из Белоруссии, Могилёвская область, Быховский район. И вот неожиданно выяснилось, что никакой он не Ракузо, а Николайчик. Это мне рассказали родственники, которых я случайно отыскала в соцсетях. Вот уж не ожидала обнаружить такой «скелет в шкафу». Оказывается, во времена репрессий семья Николайчик была признана неблагонадёжной. Сменив фамилию Николайчик на Ракузо, вся дедушкина семья подалась в бега из Белоруссии в далёкую Сибирь. В надежде, что тут их не найдут и «дальше Сибири не сошлют».

Какие ещё семейные тайны унесли с собой в могилу наши предки? Про своего первого мужа бабушка говорила, что он пропал в Гражданскую. Не знаю ни имени его, ни фамилии. Никаких подробностей. Пропал, как и не было...

Беглого белоруса привёл бабушке её отец, Гордеев Михаил Дементьевич, наш прадед. Это уже в Сибири было. Помню фотографию в старинной рамке, где она совсем ещё молодая с маленькой дочкой Ниной на руках. На бабушке кофта в оборочках со множеством пуговичек. На Нине шнурованные ботиночки до колен. Рядом сидит на венском стуле, закинув ногу на ногу, в хромовых начищенных сапогах бабушкин муж и наш родной дед – Ракузо Винидикт Яковлевич. А папы ещё нет, не родился.

Но и эта фотография пропала вместе с тётёй Ниной. Вот и пришла мне в голову мысль записать всё, что знаю и помню. Пока ещё помню... Вдруг кому-нибудь интересно станет, кто мы и откуда.

Когда-то давным-давно я часто просила бабушку рассказать «про раньше». И она воспомина-

ла о своём далёком детстве, начиная каждый рассказ словами: «Вот раньше-то бывало...»

О РОДИТЕЛЯХ

Знаю, что папа в школе хорошо учился. Я видела его табель с отличными отметками об окончании семилетки. Был папа щёголем, хоть и деревенским. То шарф повяжет с особым форсом, то шапку сдвинет набекрень. Став взрослым, он всегда выглядел элегантно. В костюме, при галстукке, на брюках стрелки наглажены, ботинки начищены. Весной мужики в сапогах по грязи шлёпают, а папа в ботиночках с камушка на камушек перепрыгивает. Не простой деревенский парень, а франт столичный. Откуда это в нём?

Вот и влюбилась в него наша мама. Не знаю ничего об их романе – как познакомились, долго ли встречались, но проводила мама папу в армию и ждала его три года.

Служил папа в Москве, с 1949-го по 1951-й. Наверное, мама ему письма писала, мечтала замуж за него выйти. Чтобы мечта сбылась наверняка, решила мама в союзники бабушку привлечь. В один прекрасный день, а именно в день рождения бабушки, явилась мама в гости с подарком. Бабушка подарков не любила, всегда говорила: «За всё надо платить, а за подарки – расплачиваться». А этот подарок вообще был неслыханной дороговизны: лежали в коробке шикарные ботиночки, да с пряжкой блестящей. Бабушка за голову схватилась: вовек ей не расплатиться за такой подарок! Сразу смекнула, с чего такая щедрость, стала отказываться наотрез, ни в какую не хотела брать. Что она сыну может сказать? Да он её и слушать не станет, возьмёт и женится на другой, и что тогда?!

После армии папа женился на маме, и 31 декабря 1951 года в юргинском загсе был зарегистрирован брак между Ракузо Василием Винидиктовичем и Гончаровой Таисией Ивановной.

ЗАЗЕРКАЛЬЕ

В Юрге папа пошёл работать на машзавод в цех № 50 подручным сталевара. Как главный герой из кинофильма «Весна на Заречной улице». В горячем цехе (как тогда говорили) он хорошо зарабатывал. Соседи и знакомые даже приходили к нам перехватить денег взаймы до зарплаты.

Получил он и отдельное жильё – домик на «43-м пикете». Дом состоял из комнаты и кухни. Жили мы впятером: мама, папа, я и бабушка с тётей Ниной. Тётя Нина, старшая папина сестра, была женщина одинокая и полуграмотная. В комнате на диване спала я, там же стояла родительская железная кровать с никелированным изголо-

вьем. Посередине комнаты располагался круглый стол. Над ним висел большой жёлтый абажур с бахромой. Бабушка с тётей Ниной спали в кухне за печкой.

Моим пристанищем был диван, я не только на нём спала, я на нём жила – читала, рисовала, играла. Рядом с диваном, на этажерке, стоял радиоприёмник, я любила слушать песни и громко подпевать: «Ой ты, дорога длинная, здравствуй, земля целинная...» Добрый Оле Лукойе рассказывал мне сказки: «Здравствуй, мой маленький дружок! Садись поудобней...» Уверенная, что обрастают именно ко мне, я послушно усаживалась и слушала очень внимательно.

На пружинном сиденье хорошо было прыгать, пока никто не видит. В спинке дивана имелись зеркала, и если хорошенько подпрыгнуть, на короткий миг было видно отражение комнаты. Та комната была очень похожа на нашу, но почему-то гораздо лучше! Время шло, я подрастала, и уже не надо было подпрыгивать, чтобы заглянуть в зеркало. Частенько мы с подругой Галкой с восхищением разглядывали комнату из Зазеркалья и мечтали туда попасть.

Мама работала в больничной прачечной. Пару раз она брала меня с собой на работу. Там было очень страшно, крутился огромный барабан на ремнях – что-то вроде гигантской стиральной машины. Вокруг что-то громыхало и шипело, откуда-то со свистом вырывался пар, и в этом тумане перекрикивались прачки.

Иногда мама носила стирать в прачечную большие вещи из дома, одеяла байковые, покрывала. Обратно приносила всё сияющее чистотой. Покрывало с моего дивана было красивое, плюшевое, светло-жёлтое и очень маркое. После прачечной оно становилось неузнаваемым. Тогда ведь всё стирали в корыте, на стиральной доске, а большое покрывало разве вручную так стираешь?

ВОСКРЕСЕНЬЕ – ДЕНЬ ВЕСЕЛЬЯ!

Блины бабушка печь любила, все говорили, что у бабы Поли самые лучшие блины. Первый блин бабушка всегда вручала мне. Потом сядились пить чай. Мама ставила на стол чашки со сметаной и с растопленным коровьим маслом. Вкуснее всего было обмакнуть блин в масло, а ещё лучше в сахар. Бабушка в тарелочку несколько блинчиков отложит и идёт к Кормушаковым, угощать соседскую бабу Лизу. Баба Лиза с ответным визитом к нам придёт и угощение принесёт – тарелку хрустящего татарского хвороста.

Вот одно из первых моих детских воспоминаний. Было мне тогда чуть больше трёх лет. Солнечное воскресное утро. Весело поёт радио: «С добрым утром, с добрым утром и с хорошим днём!» Меня распирает радость! Сегодня вся семья в сборе. В комнате мама с папой, от них я бегу на кухню, там бабушка заводит тесто на блины. В печи весело потрескивают дрова. Я разворачиваюсь и снова бегу в комнату. Мама застилает постель, расправляет одеяло на кровати. Я вприпрыжку опять мчусь на кухню. Бабушка ставит рядом с плитой табурет, на него кастрюлю с тестом. Бегу обратно в комнату, мама стелет поверх одеяла белый подзор с кружевным краем и голубое гобеленовое покрывало; осталось сложить пирамиду из подушек. Резкий разворот, и я опять на кухне. Бабушка достаёт большую чугунную сковороду, прикрикивает на меня: «Уймись!» Но уняться совершенно невозможно, меня переполняет восторг. К бабушке присоединяется папа: «Прекрати носиться!» Он бреется опасной бритвой, и моя беготня его напрягает. «Воскресенье, день веселья!» – радуется в радиоприёмнике Марк Бернес, и при очередном забеге я цепляюсь ногой за табурет...

Слыша грохот за спиной и бабушкины вопли, не оглядываясь и не останавливаясь, со всего разбега я влетаю под кровать. Забиваюсь в дальний тёмный угол и... о, ужас! Вижу, как к кровати приближаются папины ноги. Весёлое пение радио сменилось бабушкиными причитаниями. День померк.

АРАП

По утрам всех будил заводской гудок. Гудел три раза: в 7.00, в 7.30 и в 8.00. Все уходили на работу, и мы с бабушкой оставались дома одни.

Бабушка очень боялась «сиблонцев», так она называла заключённых сибирских лагерей. Тогда папа в питомнике Сиблага приобрёл щенка восточноевропейской овчарки. Пёс был совсем молодой, но очень крупный и уже прошёл школу дрессировки. Знал много команд, но был очень агрессивный, натравленный на человека. Слушался он только маму и папу, бабушку и тётю Нину игнорировал. Кормить Арапа могла только мама. Все его боялись – и свои и чужие. При приближении чужих пёс захлабывался в яростном лае. Только команда «Свой!» заставляла его замолчать, но он продолжал угрожающе рычать, скалить острые клыки, и на его загривке шерсть стояла дыбом. В общем, вид у собаки был устрашающий. Уходя из дома, дверь мы запирали на

замок, который легко открывался гвоздём: были уверены, что к двери Арап никого не пропустит.

После смерти мамы Арап покусал бабушку, порвав ей обе руки. Пса пристрелили.

АЭРОДРОМ

Из нашего окна открывался вид на широкую степь. Серебристые метёлки ковыля перекатывались волнами под летним ветром. Осенью катились, подпрыгивая, шары перекасти-поля. Побежишь – не догонишь.

Именно здесь, буквально рядом с нашим домом, в конце пятидесятых открыли аэродром. Он был в ведомстве машзавода. До этого аэродром находился примерно на месте теперешней городской администрации, но там были только планеристы.

Мама, конечно, не упустила такую возможность и пошла работать на аэродром разнорабочей. В её обязанности входило выкашивать траву и стелить «старт». Папа тоже часто пропадал на аэродроме. Помогал маме косить, а скошенную траву вёз на тележке домой – нашей корове Зорьке.

К маме на аэродром я бегала каждый день. Она занималась своей работой и между делом показывала мне разные цветы и травы, рассказывала, как они называются. Мы с ней собирали букеты. Любимым маминым цветком была скромная незабудка.

Иногда мы прогуливались втроём: папа, мама и я. Происходило это по вечерам, когда самолёты уже не летали. Было тихо, солнце клонилось к горизонту, и перепёлка кричала: «Спать пора, спать пора...» Счастливое время.

Штат на аэродроме был маленький, во главе стоял начальник А. М. Махонин. Ещё был радист Олег, папа с ним очень сдружился. В отдельной будке-сторожке сидели дядьки-сторожа. Уборщицей работала наша соседка, тётя Аня Ливанская. Самолёты летали довольно часто, несколько рейсов в день делал жёлтый пассажирский кукурузник и по одному рейсу почтовый и санитарный с красным крестом. Кукурузники летали в Яшкино, Анжерку, Кемерово, Тайгу, Мариинск. Пассажиров всегда много было, даже городской рейсовый автобус ходил с вокзала до аэродрома.

При взлёте и посадке самолёты с рёвом пролетали над крышей нашего дома. Не помню, чтобы кто-то возмущался этим шумом, никому это не мешало. Только тётя Нина каждый раз пела частушку: «Самолёт летит, крылья стёрлись. Вы не ждали нас, а мы припёрлись!»

ПОЛЁТ НА КУКУРУЗНИКЕ

Однажды и мне довелось слетать в Кемерово. Это, наверное, самое яркое впечатление моего детства.

Летнее утро, в голубом небе плывут лёгкие облачка. Мы торжественно шагаем на аэродром. Мама с папой и мамина сестра тётя Иза с мужем дядей Димой решили навестить родственников в Кедровском. Взяли и нас с Тamarой. Тамара – моя двоюродная сестра, дочь тётя Изы и дяди Димы. Мы с ней были одного возраста и очень дружили.

Это было настоящее приключение. С каким нетерпением мы ждали взлёта! Одно дело – видеть летящие самолёты над головой, и совсем другое – лететь самой в небе. Неслыханный праздник! На нас с Тamarой новые ситцевые платья. Мы с туго заплетёнными косичками, наглаженными лентами. Сандалии обуты не на босую ногу, а на белые носочки.

Все волнуются в ожидании, но вот пилот открывает дверь в салон самолёта, цепляет ступеньку, и мы забираемся внутрь. Самолёт разбегается, подпрыгивая на кочках, отрывается от земли, и мы летим! Все с любопытством прилипают к иллюминаторам. Первое, что я увидела, – это крышу нашего дома и соседских гусей на поле. Какое сверху всё было маленькое!

Самолёт набирает высоту, под нами проплывают прямые улицы «43-го пикета», бескрайние поля, знакомые лога. Передо мной открылась невиданная панорама. Такой красоты я не ожидала. У меня захватило дух! Но тут самолёт попал в воздушную яму и у Тamarы началась морская болезнь. Дальше мне пришлось в одиночестве любоваться завораживающими видами. Все были заняты Тamarой, ей дали бумажный пакет и велели в него дышать. Самолёт то проваливался в воздушную яму, то снова шёл вверх. Трясло изрядно. Пассажиры сидели на жёстких сиденьях вдоль бортов. Когда самолёт накренился, я судорожно цеплялась за сиденье, чтобы не свалиться в проход. Под нами проплывали удивительно ровные квадраты полей. По ниточке-дороге полз грузовичок размером с зёрнышко. Когда нас потряхивало, как на ухабах, папа спрашивал, не боюсь ли я. Мне совсем не было страшно, ведь рядом были папа и мама. Полёт был недолгим. Самолёт пошёл на посадку, и вот тут я поняла, что такое морская болезнь...

Уже во взрослой жизни мне не раз доводилось летать на современных лайнерах в Ташкент, Ленинград, Бухару. Но больше всего запомнился тот недолгий полёт из детства на неуклюжем кукурузнике Ан-2.

Как-то раз бабушка собралась к родственникам в посёлок Яшкино погостить. Мама с папой уговорили её полететь туда на самолёте. Ну, как уговорили? Купили билет и посадили в самолёт. Впечатление от полёта у бабушки было немногословным: «Страху натерпелась!»

Потом на месте закрывшегося аэродрома разместили метеостанцию, но и её позже закрыли. Теперь на этом месте церковь.

ТА ЗАВОДСКАЯ ПРОХОДНАЯ...

Вокруг аэродрома тянулся довольно глубокий ров – это чтобы скот не забрёл на лётное поле. Кое-где виднелись воронки, оставшиеся от снарядов. За аэродромом находилась испытательная станция машзавода – стрельбище, огороженное колючей проволокой. Из нашего окна можно было разглядеть высокий насыпной бугор. Стрельбу слышно было в любой части города. Противотанковые и корабельные пушки бабахали одиночными выстрелами. Когда же шли испытания артустановок для эсминцев, от канонады дребезжали стёкла в окнах и содрогались стены, эти орудия стреляли очередями. Стрелять перестали в 1990 году, и в тишине начался развал. Развал завода... Развал страны...

После подписания договора между СССР и США о сокращении вооружений завод перестал получать военные заказы, а других заказов почти не было. Масса людей осталась без работы и без зарплаты. Сначала зарплату задерживали, потом вообще перестали платить. Заводским рабочим стали выдавать талоны вместо денег. На эти талоны можно было пообедать в заводской столовой и домой прихватить пирожков и хлеба. Потом и столовые стали закрываться. Начались забастовки. Рабочие массово стали увольняться с завода. Наш цех закрылся, и я перевелась в соседний цех. Потом совсем пришлось уволиться с завода. В Юрге работы не было никакой, и только благодаря подруге Тамаре Коноваловой меня взяли на пивзавод приёмщицей стеклотары. В 1998 году люди вышли на рельсы и перекрыли Транссибирскую магистраль. Начались «рельсовые войны».

До той поры большинство жителей города были рабочими машзавода. По утрам сплошной людской поток двигался по улице Машиностроителей в сторону завода, а в конце рабочего дня – обратно, в сторону города. С самого раннего утра все улицы Юрги уже были чисто подметены, а проезжая часть помывта поливальными машинами. Люди гордились тем, что работают на оборонном предприятии. На заводе изготавливали оборудование для космоса и Военно-морского флота.

158

та. Изделия были лучшими в мире. Работа на заводе считалась престижной. Много было династий. Наши родственники тоже там трудились.

Мамина старшая сестра Руфина Ивановна Беседина работала начальником техбюро цеха № 23. Младшая мамина сестра Иза Ивановна Кравец – контролёром в ЦИЛ (центральной инструментальной лаборатории). Муж Изы Ивановны Дмитрий Галактионович Кравец – инженером в технадзоре ИПР. Когда стали взрослыми их дети, Саша и Тамара, они тоже пошли работать на машзавод.

Мамин родной брат Александр Иванович Гончаров трудился начальником бюро ППР в ОГМех (отдел главного механика). Его жена Валентина Владимировна работала начальником бюро общего подотдела главной бухгалтерии.

На заводе работал и папа – подручным сталевара в цехе № 50. Слесарь механосборочных работ – штамповщик – это моя профессия в цехах № 36 и 42. В 41-м цехе я работала секретарём начальника цеха. Сестра Оля работала инженером-конструктором в техбюро ИПР.

Наш родной дядя Александр Иванович Гончаров был настоящим семейным фотографом. Мы очень признательны ему за все сделанные снимки. Тогда фотоаппараты были большой редкостью. Благодаря ему мы теперь с ностальгией разглядываем старые чёрно-белые фотографии. Нам есть на что посмотреть и что вспомнить!

Жена дяди Саши, Валентина Владимировна Корникова, хоть и родилась в селе Поломошном, была дама с изящными манерами, к тому же эрудированная и приятная собеседница. У дяди Саши и тётки Вали было двое детей – Володя и Оля, наши двоюродные брат и сестра.

ПО МАЛИНУ

В посёлок Яшкино бабушка обычно ездила на электричке и меня с собой иногда брала. В гости ездили к многочисленным бабушкиным родственникам. Это было всегда летом, когда поспевала малина. По ягоду ходили в тайгу. Три сестры – баба Поля, баба Пана и баба Дуся. Все шли с ведрами, а мне давали бидончик. В лесу стоял густой аромат цветов и хвои. Голоса птиц звучали необычно и очень красиво, совсем не похоже на сумасшедший ор городских воробьёв. Огромные сосны и кедры поднимались до самого неба. Запрокинув голову, я смотрела, как высоко в небе плывут облака, и ждала, вдруг облако зацепится за острую макушку высоченной ели... Но меня окликали – не отставай! Начинались малинники, и бабушки начинали собирать ягоду. Они постоян-

но перекликались: «Ау!.. Ау!..» Хотя не теряли друг друга из виду. Сейчас я догадываюсь, что кричали они, наверное, медведю, отпугивая его от малинника. Вёдра быстро наполнялись, и только на дне моего бидончика перекатывались одинокие ягодки. Малина росла исключительно в буреломе, прорваться было непросто. Жгучая крапива росла везде, куда ни протяни руку. Когда же я добиралась до ягоды, она почему-то попадала не в бидон, а мне в рот...

ИСЧЕЗНУВШАЯ ДЕРЕВНЯ

В конце пятидесятых на огородах ягоду почти никто не выращивал. Старались посадить как можно больше картошки. Ягоды вокруг и так хватало, только собирай. Начиная от нашего дома, в полях и логах было много клубники. В первом же логу за «43-м пикетом» протекала речка Ягодная. За речкой, на крутом берегу, когда-то стояла деревня с одноимённым названием. Но на моей памяти деревни уже не было, а только стоял на том месте памятник с крестом и памятными табличками. Деревня же переселилась на несколько километров дальше и стала называться Новоягодное. Сейчас и от неё почти ничего не осталось, только дачи и ферма агротехникума. А на ягодных полянах и по сей день зреет клубника.

Корову мы старались пасти сами. В стаде корова давала меньше молока. Соседи тоже своих коров гоняли пастись в ближние лога. Бабушка накидывала корове на рога верёвку и выводила её со двора. Следом топали мы с телком. С мамой пасти корову было интересней. Это было как экскурсия. Мама рассказывала мне обо всём, что видела вокруг. Импровизированные уроки природоведения. Иногда мы поднимались к памятнику, с трудом забираясь по крутому и высокому склону.

От мамы я и узнала, что стояла тут деревня Ягодная. Очень много клубники здесь было, поэтому назвали так речку и деревню. Деревню основали крестьяне – столыпинские переселенцы из Расеи. Вокруг рос лес, на речке стояла мельница. Постепенно от леса остались берёзовые околки, от речки – ручей, от деревни – памятник, поставленный кем-то в память о родной деревне и покоившихся здесь предках. Вандалы забили таблички на памятнике, но можно было прочитать фамилии – Василевич и Шитиков. В наши дни и ручей почти совсем пересох. Крутые берега стали пологими. Рельеф изменился до неузнаваемости. Почти ровное поле, и памятник среди пахоты. Как жаль...

Окончание следует